

С. Е. Летчфорд
«ВАНДЕЯ» – СУДЬБА ОДНОГО ПОНЯТИЯ

Воздействие Великой французской революции на массовое сознание, кроме всего прочего, проявилось в том, что многие ее понятия прочно укоренились во всех европейских языках. При этом их смысловое значение, вначале достаточно узкое, сильно расширилось («правые» и «левые» как синонимы консерваторов и демократов, «Термидор» в смысле «откат революции» и т. п.). То же самое можно сказать и о «Вандее».

Изначально, Вандея – это название ничем не примечательной речки на западе Франции протяженностью всего в 75 км¹. Эта речка, местами больше напоминающая ручей, протекала по землям старой провинции Пуату в южной ее части. Из значительных населенных пунктов на ее берегах располагался только один город Фонтенэ-ле-Конт.

После 1789 г. слово Вандея приобрело еще одно значение: так стал именоваться один из 83 департаментов, на которые Национальное собрание разделило территорию Французского королевства. История образования этого департамента и споры вокруг его имени не лишены интереса.

На первых порах Национальное собрание планировало разделить Пуату лишь на две части, в границах двух существовавших там прежде (с 1670 г.) военных округов – Верхнего и Нижнего Пуату². Соответственно они должны были называться «Восточным» и «Западным Пуату». Однако против этого решительно выступило население центральных районов провинции, подстрекаемое прокурором – синдиком коммуны Ниор А.-К. Тибодо. Энергичная петиционная компания ниорцев, поддержанная их соседями, побудила Собрание согласиться на создание третьего департамента со столицей в Ниоре³.

Тогда же Учредительное собрание решило не использовать в названиях департаментов имена бывших провинций, а давать им политически нейтральные имена, главным образом по названиям орошающих их рек. Восточная часть Пуату превратилась в департамент Вьенны, центральная – в департамент Двух Севров (по рекам Севр-Нантез и Севр-Ньортез) и только с западной вышла заминка. Ее жители никак не могли договориться по поводу названия своего департамента. Предлагались два варианта – Вандея и Два Ле (Deux-Lays).

Дело в том, что вопрос о названии был тесно связан с гораздо более важным вопросом о столице департамента. На эту роль претендовали сразу несколько городов, среди которых особенно рьяно отстаивали свои права Фонтенэ, Люсон

¹ Grand Dictionnaire universel du XIX siècle/ Par P. Larousse. P., 1876. Т. 15. P. 839.

² См. Thibaudeau A.-C. Histoire du Poitou. Niort, 1839. Т. 1. P. XIX. (предварительные заметки А. де Сент-Эрмина).

³ Chassin Ch.- L. La préparation de la guerre de Vendée. P., 1892. Т. 1. P. 106.

и Сабль-д'Олонн. Громоздкая и запутанная система управления при старом режиме предоставляла каждому из них весомые аргументы в его пользу.

До революции провинция Пуату почти целиком входила в состав генеральства Пуатье во главе с интендантом. Это генеральство подразделялось в отношении финансового управления на 9 финансово-податных округов (*élections*), а в административном отношении на 23 субделегации (*subdélégations*). Кроме того, в военном отношении оно, как уже было сказано, делилось на два военных округа, а в религиозном – на два диоцеза, Пуатье и Люсон, не считая вклинившихся на его территорию частей других епархий. Фонтенэ-ле-Конт и Сабль-д'Олонн в равной мере были центрами *élection* и *subdélégation* и единственное преимущество первого заключалось в том, что он являлся центром военного округа⁴. Это и давало Фонтенэ возможность гордо именовать себя «столицей Нижнего Пуату», но с этим был в корне не согласен Сабль-д'Олонн, быстро растущий торговый порт и важная перевалочная база при каботажном плавании по опасному своими бурями Бискайскому заливу.

Козырем же Люсона (не имевшего у себя *élection*) было епископство с его древней и славной историей. В свое время здесь начинал карьеру знаменитый Ришелье. Затем люсонские епископы руководили важной работой по привлечению в лоно «истинной церкви еретиков Пуату», т. е. проживавших там в большом количестве протестантов. В качестве духовного центра Нижнего Пуату Люсон высоко оценивал свои шансы.

Победителем в этом споре все же вышел Фонтенэ, потому что его магистрат оказался самым расторопным. Едва было получено известие о намеченной административно-территориальной реформе, как в Париж помчались два его представителя, Бриссон и Года де Ла Рибурьри. Их личное присутствие в комитете депутатов бывшего Пуату решило дело, несмотря на поток протестующих петиций из Люсона и Сабль-д'Олонна. 26 января 1790 г. Национальное собрание приняло декрет об устройстве нового департамента со столицей в Фонтенэ⁵.

Тем не менее, вопрос о его названии оставался открытым. Чтобы не подливать масла в огонь, Собрание продолжало именовать его «департаментом Западного Пуату». Таким образом, оно тешило противников Фонтенэ надеждой, что решение еще может быть пересмотрено. Ведь название Вандея в честь «своей» реки предлагал именно Фонтенэ.

Чувствуя, что им не удастся переубедить Национальное собрание, оппозиционеры резко сменили тактику. 21 февраля 1790 г. они заключили союз с дистриктами Ла Рош-сюр-Йон, Монтэгю, Шаллан и Сабль-д'Олонн (т. е. с 4 из 6) на условии, что будут требовать объявить столицей Ла Рош-сюр-Йон, ничтожный поселок, совершенно лишенный промышленности, с жителями, ведущими чисто сельский образ жизни. Он однако имел ту выгоду, что находился в географическом центре департамента, тогда как Фонтенэ располагался в его дальнем юго-восточном углу. На это обстоятельство особенно напирала его противники⁶.

⁴ Thibaudeau A.- С. Op. cit. Т. 1. Р. XIII- XIV, XIX, XXV- XXVI, XXVIII.

⁵ Площадь – 338 кв. лье, население – 312000 чел., структура – 6 дистриктов (Фонтенэ-ле-Конт, Ла Шатеньерэ, Монтэгю, Шаллан, Сабль-д'Олонн, Ла Рош-сюр-Йон), 58 кантонов, 317 коммун.- Chassin Ch.-L. Op. cit. Т. 1. Р. 106-109.

⁶ Thibaudeau A.- С. Op. cit. Т. 1. Р. XIII- XIV, XIX, XXV- XXVI, XXVIII.

Весь 1790 г. прошел в упорной борьбе «коалиции 4-х дистриктов» против Фонтенэ. 29 июня на общем собрании выборщиков для назначения администрации департамента представитель Шаллана Р. Виньерон поднял вопрос о переносе столицы. Председательствовавший мэр Фонтенэ Ф.-Ж. Пишар дю Паж тщетно пытался снять его с обсуждения. 219 голосами из 357 собрание высказалось за смену столицы, что и было отражено в соответствующей петиции Конституанте⁷.

Не помог и хитрый маневр Пишара, который, с целью расколоть единый фронт оппозиции, предложил образовать 7-й дистрикт с центром в Люсоне. Оппозиционеры заявили, что дистрикт в Люсоне, безусловно, должен быть создан за счет «лишних» приходов дистриктов Фонтенэ и его союзника Ла Шатеньерэ, а во-вторых, главным городом департамента все-таки следует объявить Ла Рош-сюр-Йон⁸.

21 июля эта проблема снова всплыла на собрании выборщиков Сабль-д'Олонна, где избиралась администрация этого дистрикта. Бывший маркиз Луайон де Ла Кудрэ инициировал посылку новой петиции Национальному собранию аналогичного содержания. Из 54 голосовавших его поддержали 42⁹.

Петиция маркиза оживила оппозицию и в сельских дистриктах северной части департамента. 27 сентября прокурор-синдик дистрикта Монтэгю и будущий известный член Коновента Ф.-Ш.-Э. Гупийо (Гупийо из Монтэгю) написал администраторам Сабля, призывая их продолжать демарши перед Национальным собранием. Он сообщал, что три прихода его дистрикта (Ла Бернардьер, Кюган и Сент-Андре) высказывали желание отделиться от него и присоединиться к дистрикту Клиссон департамента Нижняя Луара, «потому что они хотят иметь суд высшей инстанции в расположенном от них в 7 лье Нанте, а не в находящемся за тридевять земель Фонтенэ»¹⁰.

В самом Париже действовало настоящее лобби противников Фонтенэ в лице посланцев Сабль-д'Олонна Годена-старшего и его родственника аббата Годена, которым помогал член Учредительного собрания Бирото де Бюрондьер (из Сен-Жиль-сюр-Ви). Эти люди получали от своих доверителей инструкции и деньги, очевидно на подкуп депутатов. Например, аббату Годену 31 мая 1790 г. была послана сумма в 1500 ливров вместе с советом «искать поддержки у Мирабо»¹¹.

Нечего и говорить, что оппозиционеры категорически отвергали для своего департамента название Вандея и настаивали на именовании Два Ле, чтобы польстить Ла Рош-сюр-Йону, лежащему в бассейне Большого и Малого Ле.

Мы позволили себе столь подробно остановиться на деталях этой борьбы потому, что в ее основе лежали не только унаследованный от старого режима партикуляризм и корыстное желание снискать выгоды от близости к департаментским властям. Основной причиной противостояния, хотя и скрываемой, являлась застарелая вражда между жителями северных районов Вандеи, фанатически преданных католицизму, и населением юга, среди которого был велик процент протестантов. Ненависть воинствующих католиков искусно подогревалась и на-

⁷ Chassin Ch- L. Op. cit. T. 1. P. 109-111.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 114-117.

¹⁰ Chassin Ch- L. Op. cit. T. 1. P. 114-117.

¹¹ Ibid. P. 117-118.

правлялась реакционно настроенными дворянами из фамилий де Луайонов, де Ла Марзелей, де Лезардьеров, а местечковый патриотизм буржуазии Сабль-д'Олонна, Монтэгю и т. д. лишь играл им на руку. Забавно здесь то, что люди, впоследствии прославившиеся под кличкой «вандейцев», сначала и слышать не хотели об этом имени¹².

К 1791 г. споры о столице «департамента Западного Пуату» и его официальном названии отошли на второй план. Появились новые животрепещущие проблемы, приковавшие к себе общественное внимание (продажа национальных имуществ, гражданское устройство духовенства). Вопреки своим недругам, Фонтенэ-ле-Конт сохранил статус *chef-lieu*, а название Вандея было легализовано.

Это слово получило печальную известность в марте 1793 г., когда на обширных пространствах к югу от Луары вспыхнуло мощное крестьянское восстание против республики. Почти сразу же возникло понятие «Военная Вандея», обозначавшее театр военных действий братоубийственной бойни.

Термин «Военная Вандея» (*Vendée Militaire*) однако совсем не точно отражал существующую реальность. Район мятежа представлял собой неправильный четырехугольник, вытянутый с запада на восток. Линия «фронта», где с марта до октября 1793 г. шли ожесточенные бои, проходила по течению Луары от ее впадения в Атлантический океан до устья реки Лейон, поднималась вверх по этой реке, шла дальше к Туару, потом круто сворачивала на юг к Партене, а оттуда поворачивала на запад и почти по прямой выходила к Сабль-д'Олонну. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что «Военная Вандея» частично включала территорию 4-х департаментов: собственно Вандеи, Де-Севра, Нижней Луары и Мена-и-Луары.

Почему же гражданская война вошла в историю именно как Вандейская война? Это нельзя объяснить тем, что она началась в Вандее и лишь потом распространилась на соседние департаменты. Мятеж вспыхнул практически одновременно на всей указанной территории, и своих первых крупных успехов повстанцы добились как раз за пределами Вандеи. 11 марта 1793 г. ими был взят город Машкуль в Нижней Луаре, 12-го – Сен-Флоран-ле-Вьей в Мена-и-Луаре. Первым вандейским городом, попавшим в руки «вандейцев» был Тиффож, который был захвачен, правда, тоже 12 марта, но по своему значению не мог равняться с вышеназванными¹³.

Между прочим, в дальнейшем патриотическая администрация Вандеи пыталась воспользоваться этим обстоятельством, чтобы смягчить жестокие репрессии, которые Конвент без разбора обрушил на жителей несчастного департамента. Заявляя, что огульно применяемое к мятежникам наименование «вандейцы» оскорбляет чувства местных республиканцев, она указывала, что правильнее было бы называть их «фильберцами» по имени коммуны Сен-Фильбер-де-Гран-Лье, ибо там собрались первые банды, атаковавшие Машкуль¹⁴. Член департаментской директории Мерсье дю Роше пошел еще дальше, когда писал: «Так на-

¹² О религиозной проблеме в Пуату накануне революции см., например, Marcadé J. *Les Protestants poitevins au XVIII siècle*. P., 1983; Benoist A. *Les Populations rurales du "Moyen-Poitou protestant" de 1640 à 1789*. Niort, 1983. Vol. 4

¹³ Машкуль и Сен-Флоран были центрами дистриктов, а Тиффож захолустной деревней, получившей статус города лишь благодаря покровительству сеньоров де Рец.

¹⁴ Martin J.-Cl. *La Vendée et la France*. P. 1987. P. 42-43.

зывается Вандейская война началась не в этом департаменте. Она была продолжением волнений в Морбиане»¹⁵.

Нельзя сказать, что Вандейской война стала называться потому, что на территории Вандеи развернулись ее главные события. Интенсивность боев в смежных департаментах была гораздо выше. Наиболее мощная группировка повстанцев, т. н. «Большая армия Анжу и Верхнего Пуату» оперировала почти исключительно в Мене-и-Луаре и Де-Севре и только однажды (в мае 1793 г.) совершила масштабное вторжение в Вандею.

На наш взгляд, название «Военная Вандея» появилось благодаря случайному стечению обстоятельств. Вместе с тем, рождение этого термина хорошо показывает те пути, по которым развивается массовое сознание.

Во-первых, имя Вандеи как мятежного края прозвучало в Париже раньше всего. Его упомянул в своем донесении Конвенту депутат Ниу, находившийся с миссией в Сент-Эрмине. Рапорт Ниу, датированный 15 марта, вызвал оживленную дискуссию и был полностью воспроизведен на страницах *Moniteur*, а затем и других газет¹⁶. Поскольку аналогичные депеши из других мест были получены позже, у рядовых граждан могло сложиться впечатление, что Вандея являлась колыбелью мятежа.

Однако Ниу говорил и о беспорядках в Нижней Луаре. Следовательно, должна была существовать какая-то дополнительная причина, по которой общественное внимание сосредоточилось на Вандее. Таких факторов, по видимому, было два: сообщение Ниу о вступлении туда регулярных войск генерала Марсе и его намеки на возможную измену.

Парижский обыватель не переоценивал боевые качества национальной гвардии, но твердо верил в силу профессиональной армии. Одного 60-го линейного полка, входившего в отряд Марсе, оказалось достаточно, чтобы «вымести» (*balayer*) мятежников¹⁷. Только предательство командиров могло помешать этому, и как раз об этом предупредил Ниу. Он подчеркнуто называл имя одного из вожakov повстанцев Вертея, явно связывая его с именем командира 12-й дивизии и прямого начальника Марсе генерала М.- А. Вертея де Мальре¹⁸.

Уже 19 марта самые мрачные прогнозы подтвердились. Колонна Марсе была наголову разбита под Сен-Венсаном. Психологический эффект этого события был огромен. В сгущавшейся атмосфере шпиономании слово «Вандея» не только утвердилось в качестве названия восставшей страны, но и стало превращаться в символ внутренней контрреволюции, тем более устрашающий, что он ассоциировался с образом тайного врага¹⁹.

¹⁵ Цит. по: Chassin Ch.-L. Op. cit. Т. 3. Р. 312.- В департаменте Морбиан еще в начале 1791 г. имели место первые вооруженные выступления против декрета о гражданском устройстве духовенства.

¹⁶ *Gasette Nationale ou Le Moniteur Universel*. – 1793. № 78. 19 mars. (далее - *Moniteur*)

¹⁷ Именно это выражение употребил военный министр Бернонвиль, выступая в Комитете общей обороны Конвента 18 марта.

¹⁸ Ходили слухи, что главарь мятежников – это сын генерала Вертея, якобы вернувшийся из эмиграции. Они не имели под собой оснований.

¹⁹ Точно такую же трансформацию ранее претерпело понятие «Кобленц» как символ контрреволюции внешней.

Этому способствовал захват мятежниками Фонтенэ-ле-Пепль в результате яростного штурма 25 мая 1793 г. Переименованная на революционный лад столица Вандеи²⁰ была первым департаментским центром, над которым взвилось белое знамя роялизма. Для общественного мнения это много значило. Важно и то, что потеря Фонтенэ накрепко переплелась в народном сознании с последовавшим через несколько дней падением жирондистов. Их обвиняли в потакании мятежу, что полностью соответствовало уже сложившемуся стереотипу.

Следует отметить, что сначала официальные власти все же воздерживались от употребления терминов «Вандея» и «вандейцы» как синонимов контрреволюции. Подобные выражения казались политически ошибочными, так как они дискредитировали население 1/83 части Республики.

В Конвенте предпочитали говорить о «мятежниках» (*rebelles*) или «разбойниках» (*brigands*), которые «угнетают честных патриотов» на западе Франции²¹. Той же позиции придерживалась и республиканская печать. В наиболее ранних работах, посвященных изложению истории гражданской войны и опубликованных еще до перемирия в Ла Жонэ (т. е. до февраля 1795 г.), мы почти не встретим слова «вандейцы», а слово «Вандея» обозначает только район боевых действий²².

Тем более не называли себя «вандейцами» сами повстанцы. Находившуюся под их контролем территорию они именовали «Завоеванной страной» (*Pays conquêt*), а себя по старой памяти анжуйцами, бретонцами и жителями Пуату (*poitevins*)²³.

И все-таки на языке парижской улицы «Вандея» уже в 1793 г. означала «непримиримый враг революции». Постепенно тот же смысл начали вкладывать в это слово и представители политической элиты. 1 октября 1793 г. Б. Барер от имени Комитета общественного спасения призывал покончить с Вандеей, сравнивая ее с «незаживающей язвой на теле Республики»²⁴. При этом он имел в виду конечно же контрреволюционный мятеж, а не одну из областей Франции. Еще более показательное осуществленное в ноябре 1793 г. переименование департамента Vendée в Vengé («Отмщенный департамент»). Таким образом хотели навсегда стереть с карты Франции одиозное название и одновременно дать понять, что сам по себе департамент здесь ни при чем.

Последнее было не так просто сделать. Многие поняли призыв Барера буквально, о чем свидетельствует, к примеру, одно из писем знаменитого Каррье, комиссара Конвента в Нанте. Письмо это, фигурировавшее затем на его судебном процессе, было адресовано генералу Аксо и содержало следующие поразительные строки: «Я только что узнал, что комиссары департамента Вандея хотят разделить с комиссарами Нижней Луары продовольствие и фураж, которые будут обнаружены в Буэне или в Нуармутье. Весьма удивительно, что Вандея осмеливается требовать продовольствия после того, как она терзала родину самой

²⁰ Фонтенэ-ле-Конт переводится как «Графский родник», Фонтенэ-ле-Пепль - «Народный родник».

²¹ См. Бабеф Г. Сочинения. М., 1977. Т. 3. С. 236.

²² Westermann. Campagne dans la Vendée. P., an III [1794]; Lequinio. Guerre de la Vendée et des chouans. P. an III [1795].

²³ См., например, «Повстанческую Марсельезу» аббата Р. Ш. Люссона // Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т. 2. С. 250.

²⁴ Moniteur, Octobre 1893.

кровавой и жестокой войной. В мои намерения входит, и таковы приказы Национального Конвента, отнять все продовольствие, съестные припасы, фураж – одним словом все у этого края, предать огню все здания, и я не медля передам тебе приказ об этом»²⁵.

Коль скоро даже люди, облеченные высшей властью, так легко смешивали два разных понятия, что уж говорить об остальных. С 1795 г. термин «Вандея» в его широком значении проникает на страницы республиканских изданий. Впервые он начинает часто употребляться в мемуарах генерала Тюрро, руководителя пресловутых «адских колонн», снятого с должности и посаженного в тюрьму за излишнюю жестокость по отношению к мирному населению Вандеи. Тюрро старался оправдаться и потому наполнил свою книгу рассказами о зверствах мятежников, которых он намеренно называл «вандейцами»²⁶.

Сочинение Тюрро вызвало критику со стороны эмиграции. Один из немногих уцелевших вожаков восстания Пуарье де Бовэ, к тому времени осевший в Лондоне, написал воспоминания о гражданской войне²⁷. При этом он с гордостью именовал себя «генералом вандейской армии», нисколько не смущаясь тем, что такой армии никогда не существовало в природе. Пуарье де Бовэ попросту заимствовал у своего оппонента его терминологию как самую распространенную, тем самым открыв ей дорогу и в роялистскую среду.

Растиражированный в книгах Бурнизо, Бошана и Савари²⁸, а затем популяризированный в общих трудах по истории революции авторов XIX в.²⁹ термин «Вандея» воспринимался впоследствии исключительно в качестве знакового понятия, обозначающего контрреволюции. В этом качестве он то и дело встречается в публицистике и художественной литературе³⁰, речах и выступлениях известных политических деятелей и т. д.

Но это еще не все. Как известно, в новейшей историографии наблюдается отход от грубого социологизма и, наряду с политико-экономическими, все большее значение начинает придаваться психологическим и культурным факторам. В этой связи меняется взгляд и на «вандейский феномен». Теперь он чаще всего объясняется конфликтом двух цивилизаций – динамичной урбанистической и застойной сельской. Таким образом, понятие «Вандея» достигает предельной широты, ибо оно символизирует патриархальное прошлое, которое, отчаянно цепляясь за традицию, ставит серьезные препятствия на пути исторического прогресса.

²⁵ Цит. по: Бабеф Г. Сочинения. Т. 3. С. 269.

²⁶ Turreau L. M. *Memoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée*. P., 1824. – Первое издание вышло в 1795 г. Тюрро хотел убедить читателей, что среди «вандейцев» вообще не было мирных жителей, что все они, включая женщин и детей, вели истребительную войну против республиканских войск.

²⁷ Beauvais V. *Poirier de. Memoires inédits*. P., 1893. Написаны в 1796-1797 гг., но вначале опубликованы лишь частично.

²⁸ Bourniseaux, Berthre de. *Precis historique de la guerre civile de la Vendée*. P., 1802; Beauchamp A. *Histoire de la guerre de la Vendée et des Chouans*. P. 1809. Vol. 3. [Savary J. J.- M.].

²⁹ Тьер А. История Французской революции. СПб.-М., 1873-1877. 5 т; Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907-1909. Т. 12.

³⁰ См., например, как трактуется понятие «Вандея» в знаменитом романе В. Гюго «Девяносто третий год».